

К.М.Станюкович. Собрание сочинений в 10 томах. Том 10. //Правда,
Москва, 1977
FB2: Vitmaier, 2008-05-08, version 1.0
UUID: 5ccb92a0-7fad-102b-9c90-12cbc7843eac
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Михайлович Станюкович

Господин с «Настроением»
(«Морские рассказы»)

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0013

**Константин Михайлович
Станюкович
ГОСПОДИН С
«НАСТРОЕНИЕМ»**

Пожилая эстонка Христина, перевирающая фамилии с таким же апломбом «горничной за лакея», с каким истинно бесшабашный журналист наших дней перевирает географию, историю и даже арифметику, однажды утром вошла в мою комнату, сделала книксен и торжественно доложила:

– Господин Шивости! – и подала карточку, на которой значилось: «Иван Иванович Шилохвостов».

Фамилия ничего не говорила ни уму ни сердцу.

– Очень желает видеть вас...

– Ведь я просил не принимать по утрам. Меня нет дома!

– О, извините! Я сказала, что вы дома. Он такой хороший господин и так благородно одеты!..

И, вероятно, от удовольствия принять такого хорошего господина и получить двугривенный лицо Христины вспыхнуло, и она не без таинственности прибавила:

– Он сказал: «Одна минута по важному де-

лу!»

– Ну, просите!

Через минуту я увидел безбородое красивое лицо плотного bruneta лет за тридцать в безукоризненном рединготе.

Слегка выкаченные темные глаза не лишены были кокетливой наглости татарина-проводника в Ялте. Пушистая щетка усов, поднятых кверху, придавала физиономии решительный вид. Из-под толстых сочных губ сверкали ослепительно-белые зубы.

– Великодушно простите, что отнимаю драгоценное время у писателя, который творит... Я прошу пять минут... Только пять... Надеюсь, позволите?

Я знал эти «пять минут» незнакомых посетителей и особенно посетительниц, когда они, при малейшей оплошности, начинают знакомить с избранными местами своих рукописей.

Но, по-видимому, гость не походил на начинающего писателя, – карман сюртука не оттопыривался от рукописи. И был загадочен. Сразу отгадать его профессию было трудно.

Он мог быть и железнодорожным деятелем.

лем, и благотворителем, и профессиональным шулером, и директором увеселительного заведения.

И я хотел было «позволить» и просить садиться, как господин Шилохвостов уже протянул большую руку с крупным брильянтом на мизинце, крепко пожал мою, плотно уселся в кресле около стола, поставил на него новый цилиндр, и мягкий баритон гостя звучал еще нежнее, когда он, слегка наклоняя коротко стриженную черноволосую голову, проговорил:

– Приехал бить челом, глубокочтимый... С большою просьбой.

Признаюсь, я недоумевал. С какою просьбой мог обратиться к старому писателю загадочный господин?

А он после паузы, во время которой бросил мечтательный взгляд на скромную обстановку кабинета, не без убедительности в тоне прибавил:

– Ведь вы, господа писатели, сила и большая сила. Вы только не понимаете своей силы...

Я пристально взглянул в глаза гостя, и в го-

лове моей мелькнула мысль: «Не сбежал ли он из больницы для сумасшедших?»

Но, казалось, он был в здравом уме и в твердой памяти.

В его глазах стояла снисходительно-любезная улыбка умного человека, встретившего не совсем понятливого слушателя.

И Шиловыхостов сказал:

– Во всяком случае, и у нас пресса может быть значительным коэффициентом благожелательного влияния... Несомненно... Разумеется, если уметь пользоваться им умно, в известных пределах и... Позвольте курить?

– Пожалуйста!

Шиловыхостов пыхнул дымком и продолжал:

– И, конечно, имея в виду *le gros public* [1], а не ограниченный круг читателей, которые по старой привычке еще слушают тихие вздохи о шестидесятых годах и робкие надежды на жареных рябчиков, которые вдруг упадут в каком-то неизвестном государстве. Эти немногие либеральные старые дятлы выдохлись... Их «тук-тук» стары, бесцельны и глупы... Не те времена, чтобы большая публика

слушала монотонную сказку о белом бычке. Старые песни и старые боги основательно забыты. Теперь новые настроения... Надо воспользоваться ими, и тогда, поверьте, господам литераторам будет и почетно и спокойно. Они станут получать такие гонорары, о коих и не снилось.

Я, разумеется, не прерывал господина, обещающего литераторам и почет и Голконду, и не без любопытства ждал, что будет дальше.

– И теперь есть газеты с настроением. Есть! И какие доходы! – восклицал Шиловыхостов, и в его голосе звучала нотка завистливого восторга. – Но можно создать газету вчетверо доходнее... Подписчиков будет сто тысяч... Не угодно ли помножить на семь рублей?.. За пересылку я исключаю... Прибавьте доход с объявлений... скажем – двести тысяч... И мы получим девятьсот тысяч. Какова цифра! Цифра-то какова!?? – захлебываясь от восторга, спрашивал Шиловыхостов.

И, не дожидаясь ответа, возбужденно говорил:

– Есть и теперь умные журналисты, получающие министерские оклады... Но могут за-

гребать деньжищи... Настроят виллы... Будут ездить на своих рысках... Авансы a discretion [2]... Пожалуйста... Могут надеяться при честолубии, как в Англии и во Франции, попасть в государственные люди... И можно интервьюировать кого угодно. Двери для журналистов будут открыты. Сделайте одолжение... «Пожалуйста, господин писатель. Садитесь... Спрашивайте, о чем хотите... Не угодно ли сигару, господин представитель печати?..» Вы понимаете, как будет хорошо?

– Как не понять! – подал я реплику.

– Это новые настроения... Не то что прежде, когда даже председатель какого-нибудь железнодорожного правления вместо сигары вдруг предложит журналисту даровой билет до Архангельска...

Шиловых весело рассмеялся и прибавил:

– А ведь были такие любители отдаленных экскурсий... Вот подите... Вместо того, чтобы жить порядочно, они изучают в какой-нибудь трущобе ягоду морошку... А между тем теперь только не зарывайте таланта. Не погашайте духа. Пишите и пишите...

– Как же следует, по вашему мнению, писать?

– Очень просто. С настроением.

– Именно?

– Старые образцы по боку.

– Неужели?

– Обязательно. Ну, кто поинтересуется Шекспиром и прочтет его? Устарел. Скука... И ни одного забытого слова... Неинтересно и старо.

– Какие же слова интересны? – осведомился я.

– Красота... мировая гармония... индивидуальная мечта о душе. Главное – душа и, разумеется, русская. В отвлечении от пошлости в область мечты, а главное – счастье, и только тогда наша самобытность становится ясной, понятной и закономерной. Все несовершенства общежития – войны, недороды, бедность, классовая рознь, все эти подчас не вполне самоотверженные банкиры, чиновники, урядники и городовые, – собственно говоря, тлен перед душой... Не правда ли, оригинальная точка зрения?

– Вполне.

– И, главное, отвечает нашему национальному характеру. Ведь мы, русские, по преимуществу – мечтатели, особенно наш народ! – решительно воскликнул господин Шиловцов.

– Откуда такое заключение?

– Плод моих дум еще с университета... и затем наблюдений бывшего земского начальника. Нельзя утверждать, что все пользуются у нас полным благосостоянием. Но тем не менее нельзя не сказать, что мы идем гигантскими шагами к нему, именно в виду нашей выносливости и воистину мудрой умеренности в пище и тогда, когда урожай хорош и недоимки взысканы. А отчего эта умеренность? Оттого, что наш народ более заботится о душе, чем о теле. Была бы душа, а остальное приложится.

– А интеллигенция?

– И она начинает входить во вкус нового настроения и понимать возвышенность мечты... Она уже пропагандируется и в некоторых газетах, и в литературе, и в искусстве, но еще недостаточно проникновенно и убедительно. А между тем, как просто объяснять

читателям прелесть такого настроения в передовых грациозных статьях и в фельетонах!..

– Например!?

– Предположим, что я не обедал... Стоит только заморить червячка, призвать мечту, и я в мечтах съел превосходный обед у Донона и вполне сыт... Предположим, что по недоразумению за макао мне переломали ребра, так при новейшем настроении это, собственно говоря, пустяки... В мечтах я могу быть с целыми ребрами и, следовательно, счастлив... Я нарочно привел исключительно редкие примеры. Продолжить более обычные факты жизни до бесконечности, – и какое возвышенное и в то же время умиряющее настроение!

Господин Шилохвостов примолк и смотрел на меня с торжествующим видом продувной шельмы, внезапно открывшей Америку.

Прошла минута.

— Вы, конечно, догадались, что я буду издавать газету с настроением. Еще минута-другая, и я разовью перед вами мой план... Это будет нечто грандиозное... Надеюсь, вы заинтересовались им.

— Очень...

— Ну, еще бы... Вы меня понимаете? От моей газеты публика придет в такое же восторженное ошаление, в какое она приходит нынче от новых идолов — от певцов и певичек... Подписчик повалит как в театр Станиславского или на Вяльцеву... Придется к конторе газеты командировать целый отряд городских, чтобы сдерживать толпу, как только появится объявление... Понимаете? Помятые... истерики... Так уж на другой день подписчик окончательно сойдет с ума и с ночи займет улицу, чтобы поскорее достать билет на получение газеты с настроением... Ведь одно название чего стоит... Думал, думал... И меня словно бы осенило... Русская Душа... Не правда ли, прекрасное название?..

— Чего же лучше!

– Газета с новейшими настроениями... Коротко и заманчиво... С небывалыми бесплатными прибавлениями для годовых подписчиков...

– С повестями и романами с настроением?

– Это в газете... Да и что тут небывалого? А я дам небывалое прибавление. Я знаю, чем в настоящий момент ошарашить публику...

И, после паузы для вящего эффекта, победоносно прибавил:

– Я объявлю, что исключительно для годовых подписчиков во всех городах России, где не менее ста абонентов Русской Души, будут петь божественная Вяльцева и божественные Шаляпин и Собинов. А знаменитый писатель Мережковский будет читать конференции об антихристе, знакомстве с ним, его похождениях и намерениях. Таким образом каждый годовой подписчик получит триста шестьдесят пять номеров газеты с настроением и будет видеть и слушать по разу четырех знаменитостей... Сколько экономии! Не надо ехать в Петербург и Москву, чтобы послушать их. Да и то еще заплати барышникам сто рублей за билет или продежурь ночь и рискуй бока-

ми в давке. А подпишись – и даровой билет без хлопот... Ведь ловко придумано? Какова идея? Разве не гениальная?

Я должен был признаться, что по нынешним временам идея гениальная, но заикнулся о расходах... Певцы в большой цене.

– Расходы, хоть десять тысяч каждому «прибавлению», с лихвой покроются лишней сотней тысяч подписчиков единственно из-за прибавлений. Ведь за восемь рублей кого я даю!? Публика мне сделает оvation и даст круглый доход... Только надо ковать железо, пока горячо...

– Уж вы получили разрешение?

– Нет еще... Но не сомневаюсь.

– А если главное управление сошлется на вашу же программу...

– То есть как же?

– Предложить вам издавать газету и собирать доходы в мечтах.

– Зачем такой пессимизм... Такая газета вызывается потребностями... Моя Русская Душа одних утешит, других обрадует и всех поразит оригинальностью... И, благожелательная, моя газета нисколько не противоречит

устоям... Напротив... Она только будет объединять... настроения... И кроме того Русская Душа возьмет на себя небывалую задачу, имеющую весьма серьезное значение.

– Какую?

– С цинической откровенностью знакомить публику с нашими общественными людьми... Какие таланты и добродетели до сих пор неизвестны читателям!.. В самом деле, разве мы много знаем правды о своих хороших людях?.. Скажите по совести...

Я согласился, что мало.

– Необходимо знать. А то что происходит? Мы судим о многих достойных только по слухам и, конечно, часто недостоверным. Считаем, положим, какого-нибудь статского советника самым обыкновенным начальником отделения, даже повторяем про него ходячие сплетни, будто он, извините за выражение, врет как сивый мерин директору департамента... Газета командирует достойного корреспондента для интервьюирования... И вдруг оказывается, что статский советник именно необыкновенный. Ради блага отечества почти не ест, не пьет и не спит, а скрепляет бу-

маги. Сам кроме правды не говорит и требует от столоначальников только правды, одной правды. По совести говоря, на таких людей необходимо указывать... Это имеет громадное воспитательное значение для публики и для тех, по счастью, редких чиновников, которые действительно на службе только спят и даже во сне бредят как сивые мерины... Кроме того и лестно для человека, хоть будь он скромненький, как полевая гвоздика... По крайней мере о нем знает публика... Таким образом благодаря моей газете невероятные слухи и злонамеренные сплетни сами собой исчезнут... Как видите, газета будет иметь громадный успех... Для начала сто тысяч рублей дает одна умная старушка... Кажется, я все изложил?..

– Кажется, все...

– И следовательно, вы не откажете в позволении считать вас своим сотрудником... Знакомить публику с выдающимися людьми... пятьсот рублей в месяц, триста на представительство и по сорока копеек за строчку... Сколько угодно аванса?

Когда я отказался от этой чести, Шилов-

стов вытаращил на меня глаза.

И наконец проговорил:

– Но ведь вы, сколько знаю, пишете с настроением.

– Вы, верно, ошиблись...

– Да вы, глубокоуважаемый...

Шилохвостов назвал фамилию.

– У меня другая! – отвечал я и назвал свою. – А тот господин этажом выше...

– Извините... Горничная переврала! – сердито проговорил издатель с настроением и, кивнув головой, торопливо вышел.

1902

Широкую публику (*франц.*)

[^^^]

2

Сколько угодно (*франц.*)

[^^^]